

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С. И. ВАВИЛОВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Год выпуска 31

2010

№ 1

январь—февраль—март

**Журнал издается
под руководством
Президиума РАН**

**Основан в январе 1980 г.
Выходит 4 раза в год**

Москва • «НАУКА»

Главный редактор

В. М. Орел

Редакционная коллегия

Г. И. Абелев, Д. А. Баюк (зам. главного редактора),
О. П. Белозеров (отв. секретарь), В. П. Борисов, В. Б. Брагинский,
Вл. П. Визгин, Г. Г. Григорян, С. С. Демидов, И. С. Дмитриев, В. Д. Есаков,
Ю. А. Золотов, С. С. Илизаров, С. П. Инге-Вечтомов, В. П. Козлов,
Э. И. Колчинский, Н. И. Кузнецова, В. В. Малахов, В. С. Мясников,
А. Н. Паршин, В. Л. Пономарева, А. В. Постников (зам. главного редактора),
И. Е. Сироткина, Д. А. Соболев

Международный редакционный совет:

Джессика Ванг (Канада), Лорен Грэхэм (США),
Лиу Дунь (КНР), Кеннет Кноспел (США),
Алексей Кожевников (Россия), Лидия Кожина (Россия),
Джон Криге (США), Юрий Наточин (Россия),
Доминик Пестр (Франция), Ганс Йорг Райнбергер (ФРГ),
Нильс Ролл-Хансен (Норвегия), Вячеслав Степин (Россия),
Дуглас Уинер (США), Дэвид Холлоуэй (США),
Юрий Храмов (Украина), Саймон Шейфер (Великобритания)

Заведующая редакцией – Дроздова Людмила Николаевна

Сдано в набор 29.12.2009 г. Подписано к печати 10.02.2010 г. Формат 70 × 100^{1/16}
Офсетная печать. Усл.печ.л. 16.9. Усл.кр.-отт. 5.4 тыс. Уч.-изд.л. 21.4. Бум.л. 6.5
Тираж 317 экз. Заказ 4

Учредители: Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Издатель – Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049, Москва, Мароновский пер., 26
тел./факс: (495) 938-60-16
E-mail: redakcia-viet@yandex.ru
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

И. Н. ЮРКИН

БЕРГ-КОЛЛЕГИЯ – «СОТРУДНИК» ЛОМОНОСОВА

(об участии Берг-коллегии в проекте «Российская минералогия»)

Цель данного исследования – на документальной основе и с максимумом деталей восстановить историю подготовительной работы, предпринятой после объявления М. В. Ломоносовым о начале работы над «Российской минералогией» (замысел, не осуществленный в связи с его смертью) и выяснить причинные связи образующих эту историю событий и фактов. На материале неопубликованных документальных источников (фонд Берг-коллегии в Российском государственном архиве древних актов) детально прослежены действия коллегии и подчиненных ей региональных структур горного управления с целью обеспечения ученого образцами руд и минералов с рудников подведомственных им государственных и частных заводов. Приведены данные, позволяющие предполагать связь научных планов Ломоносова с прикладными исследованиями, выполнявшимися Берг-коллегией.

В связи с этим затронут вопрос, в каких формах и насколько эффективно Академия наук как государственное учреждение участвовала в жизни и развитии государства – обсуждается, в частности, степень ее воздействия на развитие государственного хозяйства. Для оценки содержания и степени этого влияния на изложенном материале проанализированы ее отношения с другой государственной структурой (Берг-коллегией), выявлены механизмы и формы их взаимодействия. Учитывая, что последние были жестко регламентированы, затронут процедурный аспект контактов.

Установленные и интерпретированные факты позволяют констатировать, что в России XVIII в. высшая власть была и способна, и готова при необходимости подключать механизм государственного управления к решению неспецифических для него научных задач. Аппарат управления становился при этом в прямом смысле союзником и «сотрудником» ученого. На ход и результаты взаимодействия влияли личные и корпоративные интересы, но интересы государственные доминировали. Такое сотрудничество являлось важной формой, обеспечивавшей участие институционализированной науки (в лице Академии наук) в решении практических задач государственного значения.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, Берг-коллегия, Берг-контора, М. В. Ломоносов, И. А. Шлаттер, минералогия, горное дело, руды, рудники, металлургические заводы.

«Российская минералогия» М. В. Ломоносова: результаты и перспективы изучения

Год 1763-й был непростым для Ломоносова, принес ему немало тревожного и неприятного, отравлявшего душевное состояние, угнетавшего поэтический дар, тормозившего научное творчество. Впрочем, уже в мае обозначились признаки благоприятного для него разворота дел, а конец года был отмечен знаком уже несомненного изменения к нему отношения: чином статского советника, в который вчерашний коллежский советник был произведен 15 декабря.

Менее недели спустя, 20 декабря, из Академической типографии вышла небольшая, в четыре страницы, работа ученого: «Известие о сочиняемой Российской минералогии»¹ – проспект проекта, считающегося одним из наиболее значительных научных начинаний последних лет его жизни. Осуществить обещанное в «Известии» Ломоносову не довелось, но *что* именно и *как* готовилось им и другими для его «Минералогии», благодаря архивным разысканиям в общих чертах известно. Сформировалась даже посвященная этому вопросу историография, впрочем, не очень обширная. Особое место в ней занимает статья В. В. Данилевского, наложившего на умело скомпонованные факты интерпретацию, надолго ставшую общепринятой². Из прочих работ выделим статьи Б. Б. Кафенгауза и Е. А. Радкевич³, дополнившие сведения по истории этого замысла посредством привлечения новых источников. Многочисленные публикации, приуроченные к 250-летию со дня рождения ученого⁴, мало продвинули разработку вопроса – скорее, продемонстрировали закрепление достигнутых результатов. Из позднейших работ отметим попытку Д. В. Тюличева реконструировать некоторые связанные с замыслом «Российской минералогии» события 1760–1761 гг.⁵

Хотя место «Российской минералогии» в совокупности научных трудов Ломоносова и в логике развития его научных интересов определилось, некоторые связанные с ней вопросы все еще остаются разработанными довольно

¹ Ломоносов М. В. Известие о сочиняемой Российской минералогии // Полное собрание сочинений (далее ПСС). Т. 5. Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763 гг. М.; Л., 1954. С. 633–638.

² Данилевский В. В. Ломоносов как исследователь русских руд // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 3 / Отв. ред. С. И. Вавилов. М.; Л., 1951. С. 206–225.

³ Кафенгауз Б. Б. О «Российской минералогии» М. В. Ломоносова // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 179–189; Радкевич Е. А. Новые данные о материалах, посланных М. В. Ломоносову для «Российской минералогии» // Известия АН СССР. Сер. геологическая. 1953. № 6. С. 96–105.

⁴ См., например, Шевяков Л. Д. Ломоносов и горная наука // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 5 / Отв. ред. Н. А. Фигуровский и Ю. И. Соловьев. М.; Л., 1961. С. 36–37; Гордеев Д. И. М. В. Ломоносов – основоположник геологической науки. 2-е изд. М., 1961. С. 40–41; Гордеев Д. И. История геологических наук. Ч. 1 (от древности до конца XIX в.). М., 1967. С. 179–184; Азизбеков Ш. А. Ломоносов и геология // Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. геолого-географических наук и нефти. 1961. № 5. С. 5–7.

⁵ Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 8 / Отв. ред. Э. П. Карпеев. Л., 1983. С. 74; Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 230–231.

поверхностно. По этой причине нет достаточной уверенности в правильности понимания связи установленных событий и фактов; нет ее и в том, что не избежали внимания факты, может быть, не менее важные, чем известные.

Сказанное определяет главную цель, поставленную перед собой автором статьи: на документальной основе с максимумом деталей восстановить историю подготовки к осуществлению ломоносовского проекта, выяснить связь образующих ее событий и фактов. Содержание проекта при этом затронуто не будет.

Кроме того, автор намерен коснуться темы более общей, с первой связанной через коллективного героя – Академию наук. В каких формах и насколько эффективно она, будучи государственным учреждением, участвовала в жизни и развитии государства? Ее влияние на состояние в России науки и образования очевидно; ему посвящена обширная литература ⁶. Менее поработан вопрос о воздействии академии в XVIII в. на другие сферы жизни государства и общества, в частности, на развитие государственного хозяйства. Полагаем, что для оценки содержания и степени этого влияния полезно рассмотреть ее отношения с другими государственными структурами, выявить механизмы и формы их взаимодействия. Учитывая, что последние были жестко регламентированы, несомненно интересен процедурный аспект контактов.

Обсудить эти вопросы на примере отношений Академии наук и Берг-коллегии позволяет история проекта «Российская минералогия».

Источники

В работе использованы источники из фонда Берг-коллегии, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Некоторые из них упомянуты в составленном Е. В. Александровой обзрении ломоносовских материалов этого архивохранилища ⁷, но не менее половины их в данном списке отсутствуют.

Наибольший интерес представляет присутствующее в кн. 1233 под № 10 «Дело по именному указу о присылке заводчикам со своих заводов по части руд к статскому советнику и профессору Ломоносову», включающее документы за период с 3 января 1764 по 23 августа 1765 г. ⁸ Ценные подробности содержат документы, отложившиеся в архиве Московской Берг-конторы, находящемся в составе того же фонда. Выделим из них «Дело по указу из государственной Берг-коллегии об отсылке к статскому советнику и профессору господину Ломоносову заводчиков руд», объединяющее документы с 7 января по 30 октября 1764 г. ⁹, а также журнал исходящей документации этой конторы

⁶ В качестве примера укажем на выпущенную к юбилею академии коллективную монографию «Российская Академия наук: 275 лет служения России» (М., 1999), а также докторскую диссертацию Г. И. Смагиной «Санкт-Петербургская академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний» и раскрывающие ее содержание многочисленные публикации того же автора.

⁷ Александрова Е. В. Центральный государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА) [Обзрение рукописей Ломоносова и материалов о нем...] // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 3... С. 376–422.

⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 317–382 об.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 670.

за 1763 г.¹⁰ Возвращаясь к архиву коллегии, обзор хода событий с 10 декабря 1763 по 2 января 1769 г. находим в кратком, но емком «Экстракте о рудах к сочинению Российской минералогии»¹¹ (апрель 1770 г.), сохранившемся в кн. 1286 в деле № 21 «О прислании из разных мест и с партикулярных заводов разных курьезных руд и штуфов»¹². Из кн. 1244 использовано дело под № 7 «По запросу Канцелярии Академии наук о присылке известия, где добываются квасцы, мрамор, мел, нефть, яшма и где куют якори», объединяющее материалы за период с 23 ноября по 21 декабря 1764 г. по другому исполнявшемуся с участием Берг-коллегии проекту, которым занимался Ломоносов – составлению карт «о российских продуктах»¹³. Сведения о металлургических предприятиях России взяты из входящего в состав кн. 1237 дела № 1 «По указам Правительствующего Сената об отсылке в Комиссию о коммерции о всех казенных и партикулярных железных и медных, ручных, и минеральных заводах полугодовых ведомостей»¹⁴. Ведомость, принявшая окончательный вид в 1766 г., опирается на первичные материалы 1762–1763 гг. Названия заводов в большинстве случаев приводятся по этому источнику, иногда они отличны от привычных, но легко узнаваемы.

По ступеням лестницы исполнения

От императрицы в коллегию

Первая точная дата в истории проекта относится к выходу из печати «Известия о сочиняемой Российской минералогии». На последней его странице стоит: «Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук Декабря 20 дня 1763 года». Разумеется, печатанию предшествовало сочинение, а ему зарождение и осмысление замысла, но эти этапы остались недокументированными и недатированными. Напротив, многое последующее в документах отразилось – прежде всего, благодаря участию учреждений с налаженным делопроизводством.

Уже 25 декабря императрица Екатерина II на печатном экземпляре «Известия» начертала адресованное управляющему Кабинетом е. и. в. А. В. Олсуфьеву распоряжение помочь его автору. Она предписала «дать Ломоносову все известия, которые у нас (в ведении Кабинета. – *И. Ю.*), и с рудами, а которых нет прислать с заводов». «Скажите Шлатеру, – продолжала императрица, – чтоб также с других заводов отпустили к Ломоносову»¹⁵. Этими

¹⁰ Там же. Д. 106.

¹¹ Там же. Оп. 1. Кн. 1286. Л. 438–442 об.

¹² Там же. Л. 428–524 об.

¹³ Там же. Кн. 1244. Л. 69–74 об.

¹⁴ Там же. Кн. 1237. Л. 3–242 об.

¹⁵ *Биларский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 628–629. Письмо неоднократно цитировалось в биографической литературе. Цитируется оно и в документах, связанных с историей ломоносовского проекта – см., например, РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 318, 319, 324; Там же. Кн. 1286. Л. 438. У Биларского – *Шлатерю*. Поскольку им не указано, что публикация осуществлена с оригинала, исправляем по известной нам копии, заверенной самим Шлаттером (Там же. Кн. 1233. Л. 318).

словами к работе привлекли учреждение, ведавшее большинством (всеми кроме кабинетских) горно-металлургических предприятий России – Берг-коллегию.

Ее президенту, действительному статскому советнику И. А. Шлаттеру, именной указ был объявлен по наступлении нового, 1764, года – 3 января ¹⁶. Он передал в коллегия копию с него и от себя приказал к «господину Ломоносову тех руд з заводов отпустить» ¹⁷. К выполнению поручения приступили сразу же.

Из коллегии в ее региональные отделения

Оповестить заводы коллегия предписала подведомственным ей местным учреждениям: Берг-конторе (она же Берг-коллегия контора) в Москве ¹⁸ и трем канцеляриям: Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов (сокращенно Главного заводов правления) в Екатеринбурге, Нерчинского (вариант Даурского) горного начальства и Олонецких Петровских заводов (сокращенно Петровских заводов или Петрозаводской). Подготовленные 7 января указы были сходными по содержанию ¹⁹: они сообщали о высочайшем «повелении», о поступившей в Берг-коллегию копии с него, о распоряжении Шлаттера обеспечить исполнение, о задании местным структурам немедленно известить заводы, чтобы весною и летом требуемое «исполнено быть могло» ²⁰.

Для доставки руд были названы два адреса. Частным заводчикам предписывалось отправлять их Ломоносову, правлениям казенных заводов – в Берг-коллегию ²¹. Это не вполне соответствовало пожеланием ученого. В «Известии» он писал, что присылка «удобно происходить может» с попутными подводами «прямо к самому сочинителю приватно» ²². Для руд с ка-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 324.

¹⁸ Согласно указу от 19 января 1722 г., каждой коллегии предписывалось иметь в Москве контору для «управления всяких дел по указам своей Коллегии, также судить присудных его Коллегии» (Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 3887). В конце 1750-х гг. местоположение ведавших горным делом головной организации и местного ее отделения было обратным: в Москве находилась Берг-коллегия, контора же ее – в Петербурге. Сенатским указом от 4 сентября 1760 г. по просьбе назначенного в коллегию президентом И. А. Шлаттера, оставленного главным судьей находившейся в Северной столице Монетной канцелярии, коллегию перевели в Санкт-Петербург, контору же возвратили в Москву (Там же. Т. 15. № 11097). Таким положение сохранялось в течение всего периода, к которому относится история «Российской минералогии». Изменил его именной, данный Сенату указ от 4 февраля 1767 г.: «Берг-Коллегии [...] на время Нашего в Москве присутствия, быть оной в Москве же, а здесь Конторе» (Там же. Т. 18. № 12831).

¹⁹ Отпуск указа в Канцелярию Главного заводов правления (исх. № 17) в кн. 1233 на л. 326–327, в Канцелярию Нерчинского горного начальства (№ 18) там же на л. 328–329, в Берг-контору (№ 19) там же л. 324–325. Документ для Екатеринбурга создавался по черновику указа в Москву, указ № 20 в Петрозаводскую канцелярию – по образцу («в таковой же силе») послания в Екатеринбург (Там же. Л. 327).

²⁰ Там же. Л. 324–324 об.

²¹ Там же. Л. 325.

²² Ломоносов. Известие о сочиняемой Российской минералогии... С. 636.

зенных заводов прямой маршрут заменили окольным. Складывается впечатление, что, организовав сбор образцов для Ломоносова, коллегия решила собрать с казенных рудников и собственный их комплект. С каким более ранним проектом Берг-коллегии это может быть связано, будет разъяснено позднее.

Указы канторе и канцеляриям едва ли были посланы немедленно – в них отсутствовали инструкции по сбору образцов. Экономя труд канцеляристов, решили разослать оригинальные тексты Ломоносова. В письме к нему, подготовленном в один день с указами, разъяснялось, что «всех заводов в ведомстве Берг-коллегии состоит многое число и ежели к заводчикам с показанного “Известия” для розсылки списывать копии, то от того продолжится время немалое». Ученого просили прислать «печатных “Известиев” до дву сот экземпляров для розсылки ко всем заводчикам; а как скоро от вас те “Известии” пришлютца, то того ж числа и отправлены быть имеют»²³. Можно думать, просимое получили быстро – во всяком случае, по документам ожидание не прослеживается.

О предпринятых действиях коллегия отрапортовала в Кабинет²⁴. Развезти указы и «Известия» поручили солдатам берг-коллежской роты Федоту Деятову, посланному в Москву и в Екатеринбург, и Арефию Степанову, отправленному на Петровские заводы. Обеспечить доставку в Нерчинск предписали Канцелярии Главного заводов правления²⁵. Число прилагавшихся экземпляров «Известия» определялось «по препорции каждого места»²⁶ – по числу предприятий, которые этим учреждением ведались. В Берг-контору, управлявшую «замосковными» заводами, было послано 50 экземпляров²⁷, в канцелярии Главного заводов правления – 100²⁸, Нерчинского горного начальства – 12²⁹, Петровских заводов – 8³⁰.

Тогда же, 7-го, были оформлены паспорта и подорожные. В паспорте Степанову «господам, команду имеющим», на заставах по тракту от Петербурга до заводов предписывалось «о пропуске оного салдата [...] чинить по Ея Императорскаго Величества указу»³¹. В подорожной пос-

²³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 322.

²⁴ Там же. Л. 323–323 об.

²⁵ Там же. Л. 325.

²⁶ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1286. Л. 438 об.

²⁷ Документы содержат различающиеся количественные данные, свидетельствующие о том, что распределение сложилось не сразу. Возможно, первый его вариант был подготовлен до получения от Ломоносова тиража «Известия»; потом с учетом числа наличных экземпляров его корректировали. В одном из черновиков число 50 для Берг-конторы исправлено на 45 (Там же. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 325), но в окончательном варианте восстановлено 50 (Там же. Л. 334; Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 1 об.).

²⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 338. В черновом тексте первоначально стояло 80, исправлено на 100 (Там же. Л. 327).

²⁹ Там же. Л. 329. То же количество указывает Данилевский, ссылающийся на документы Государственного архива Свердловской области (*Данилевский*. Ломоносов как исследователь... С. 221). Но в документах встречается и другая цифра – 20 экземпляров (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1233. Л. 327).

³⁰ Там же. Л. 335.

³¹ Там же. Л. 330.

ланному «за нужнейшим делом» солдату назначалось выделять по две подводы с проводником «без задержания, имея прогонные денги по указу»³². Указом асессору Прову Ковалеву³³ было велено выдать деньги: Девятову до Екатеринбурга 34 руб. 26 коп., Степанову до Олонецких заводов – 4 руб. 89 коп.³⁴

Степанов прибыл на место уже 14 января. Вручив бумаги и получив на дорожные издержки 2 руб. 14 коп., три дня спустя он пустился в обратный путь. Посланец, отправленный в Москву и на Урал, добирался дольше: в старую столицу прибыл 17 января³⁵, в Екатеринбург – 2 февраля. Уже два дня спустя дальше на восток отправился доставленный им «комверт» с указом и экземплярами «Известия» для Канцелярии Нерчинского горного начальства³⁶. Сам же Девятков, получив в Екатеринбурге прогонные деньги из расчета на подводу 15 руб. 62 коп., возвратился в Петербург.

Коллегия дело сделала. Эстафета переходила к местным «начальствам».

Из региональных отделений к заводчикам

Московское подразделение коллегии о своих действиях отчиталось двумя рапортами: 20 января за подписью асессора Петра Богданова и секретаря Ивана Яковлева и 22-го с подписями коллежских советников Алексея Николева, Василия Сумарокова и того же секретаря³⁷. Действия были обычными: состояли в вынесении определения о рассылке («ко всем замосковным заводчикам послать») и в его исполнении («и послано по одному») ³⁸. В указах «накрепко» подтверждалось, «чтоб каждой заводчик в силу того “Известия” непременно исполнение учинили»³⁹.

Имена адресатов, которым предстояло включиться в компанию, в рапортах конторы в коллегию отсутствуют. Восстановить список позволил бы журнал регистрации исходящих документов Берг-конторы, но найти его не удалось. Ближайшие по времени обнаруженные нами такие журналы относятся к 1763 и 1767 гг.⁴⁰

Впрочем, некоторая информация об адресах и обстоятельствах рассылки присутствует и в привлеченных документах. Непосредственно в Берг-конторе материалы (указ и «Известие») лично или через представителей получили следующие заводовладельцы и компании (приводим в порядке,

³² Там же. Л. 331.

³³ Находился в Берг-коллегии «у приходу и росходу денежной казны и протчаго» (Там же. Кн. 1190. Л. 469).

³⁴ Там же. Кн. 1233. Л. 321.

³⁵ Там же. Л. 334.

³⁶ Там же. Л. 338, 338 об.

³⁷ Там же. Л. 334, Л. 337–337 об.

³⁸ Там же. Л. 337 об.

³⁹ Там же. То же в журнале от 19 февраля (Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 5 об.).

⁴⁰ Там же. Д. 106 и 107.

соответствующем последовательности сохранившихся расписок): Тимофей Ложечников⁴¹, Иван Протопопов⁴², Гончаров⁴³, Иван Алексеевич Мосолов⁴⁴, Петр, Александр и Григорий Баташевы⁴⁵, Максим Мосолов⁴⁶, кн. Кильдишев и Иван Рюмин⁴⁷, Евдоким Демидов⁴⁸, Алексей Демидов⁴⁹, Андрей Миляков⁵⁰, Матрена Алексеевна Шувалова⁵¹, Курочкин и Юринский⁵², Мария Шапкина⁵³, Петр и Прокофий Баташевы⁵⁴,

⁴¹ Тимофей и Аким Ложечниковы (вариант: Ложешниковы) владели серным заводом в Московской губ. в уезде г. Переяславля Рязанского, при речке Солотче (Там же. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 197 об.).

⁴² Тверской купец Иван Протопопов владел заводом по производству краски празелени в г. Твери (Там же. Л. 198 об.).

⁴³ Коллежский ассессор Афанасий Гончаров владел заводами Песочинскими Верхним доменным и молотовым и Нижним молотовым в Калужской провинции Серпейском у., Любохонским доменным и молотовым в Белгородской губ. Севской пров. Брянском у. на р. Любохне, Родицким доменным и молотовым в том же уезде на р. Родице (Там же. Л. 146 об., 147 об.).

⁴⁴ Ивану Алексеевичу Мосолову принадлежали заводы Непложский доменный в Московской губ. в уезде г. Переяславля Рязанского на р. Непложе и (вместе с братом Григорием) Кананикольский в Оренбургской губ., в Уфимском у. на р. Кане (Там же. Л. 162 об., 186 об.).

⁴⁵ Братья Петр, Александр и Григорий Ивановичи Баташевы владели заводами в Калужской пров. Песочинским доменным и молотовым (в Перемышльском у. на р. Песочне) и Серенским молотовым (Там же. Л. 149 об.).

⁴⁶ Туленин Максим Мосолов владел заводами Златоустовским железным в Оренбургской губ. Исецкой пров. на р. Ай, Мыжевским (Мышегским) доменным и молотовым в Московской губ. Тарусском у., Шурминским в Казанской губ. (Там же. Л. 131 об., 152 об., 187 об.).

⁴⁷ Бригадиру князю Григорию Кильдишеву и московскому купцу Ивану Рюмину принадлежал Истинский Залипяжский доменный и молотовой завод в Пронском у. Переяславской (Рязанской) пров. на р. Истье (Там же. Л. 162 об.).

⁴⁸ Дворянину Евдокиму Никитичу Демидову принадлежали Авзяно-Петровские Верхний и Нижний железные заводы («кои почитаются за один») в Оренбургской губ. Уфимском у. на р. Авзяне, Дугненский доменный и молотовой в Тульской пров. Алексинском у. на р. Дугне, Людиновский железный в Белгородской губ. Севской пров. Брянском у. на р. Ломпати (Там же. Л. 132 об., 140 об.).

⁴⁹ Дворянину Алексею Демидову принадлежали заводы Брынский и Есенковский молотовые в Калужской пров. Мещовском у. на рр. Брыне и Есенке, Выровский в Калужской пров. Ромодановской вол. на р. Выровке (Там же. Л. 141 об., 142 об.).

⁵⁰ Заводчику Андрею Милякову принадлежали Авгарский доменный и молотовой и Сивинский молотовой в Шацкой пров. Краснослободском у. (Там же. Л. 155 об., 156 об.).

⁵¹ Матрене Алексеевне Шуваловой, урожденной Чирьевой, жене секунд-майора А. М. Шувалова, принадлежал Истенский доменный и молотовой завод в Переяславской (Рязанской) пров. Пронском у. на р. Истье (Там же. Л. 145 об.).

⁵² Устюжским купцам Ивану Курочкину и Александру Юринскому принадлежали заводы Кирсинский железный в Казанской губ. Вятской пров. Слободском у. на р. Кирсе, Нючпаский и Кажимский молотовой в Архангелогородской губ. Устюжской пров. Яренском у. на р. Нючпасе и Кажиме (Там же. Л. 134 об., 135 об.).

⁵³ В берг-коллежской ведомости такой заводчицы нет. Указ и «Известие» в 1764 г. взял для нее некто Иван Шапкин – тот же, который расписался за бумаги, взятые для А. Шапкина и Ф. Колесова.

⁵⁴ Заводчикам братьям Петру и Прокофию Ильичам Баташевым принадлежал Виндренский (Виндреевский) доменный и молотовой завод в Воронежской губ. Шацкой пров. Темниковском у. (Там же. Л. 158 об.).

кн. Петр Иванович Репнин⁵⁵, Александр Никонов⁵⁶, Шапкин и Колесов⁵⁷.

Таким образом, на руки удалось вручить 17 указов⁵⁸. Число охваченных при этом заводов было несколько больше – один собственник мог владеть несколькими предприятиями (как, например, большинство Демидовых, Баташевых, Мосоловых, Никонов, компания Курочкин и Юринский и др.). Но эта цифра все равно существенно меньше числа замосковских заводов в ведении Берг-конторы. Ограничиться ручной раздачей контора не могла.

Сохранилось несколько поступивших в контору рапортов о получении ее указов⁵⁹. Благодаря им реконструируемый список рассылки дополняется именами следующих заводовладельцев (индивидуалов и компаний): заводчиц Акулины Даниловой⁶⁰ и Анны Морозовой⁶¹, статского советника Ивана Сатина⁶², не указанного в источнике по имени владельца Кирицкого завода⁶³ (ответил «управитель» Иван Мальцов), заводчиков Андрея Панова и Андрея Плотникова, елецкого промышленника Никиты Криворотова⁶⁴. С перечисленными выше – 23.

Нами обнаружены сведения, на основании которых остаток списка рассылки может быть реконструирован с очень высокой степенью вероятности. В журнале исходящих писем Берг-конторы за вторую половину 1763 г. имеются записи о другой серии указов, подготовленных для общей рассылки, – «о присылке о состояни[и] заводов двойственных ведомостей»⁶⁵. Эти указы

⁵⁵ Генерал-поручику, действительному камергеру и полномочному министру кн. Петру Ивановичу Репнину принадлежали заводы Липецкий и Боренский доменные и молотовые в Романовском у. на р. Липке и Белоколодезе, Козминский молотовый в Сокольском у. на р. Козминке, Новопетровский молотовый в Белоколодском у., Еремшинский доменный и молотовый в Воронежской губ. Шатской пров. на р. Еремне (Там же. Л. 153 об., 154 об.).

⁵⁶ В сводной ведомости такого нет. В ней присутствует заводчик Василий Никонов, которому принадлежали два завода в Воронежской губ. Тамбовской пров. Инсарском у.: Инсарский доменной и молотовой и Истенский молотовый на р. Исе (так в источнике). По-видимому, ему же принадлежал и Сеитемский молотовый завод в том же уезде (Там же. Л. 157 об.).

⁵⁷ Заводчикам Алексею Шапкину и Федору Колесову принадлежали Термениковский доменный завод в Архангелогородской губ. Устюжской пров. Важеском у. на р. Термени (Там же. Л. 136 об.). Н. И. Павленко называет завод Терменским, речку – Терменгой (Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 296, 297).

⁵⁸ Кроме того, между записями № 12 и 13 зачеркнуто: «Гуслицкой волости крестьянин Михайла Рахманов» (Там же. Л. 6–7). Рахманов вместе с оброчными крестьянами Григорием Воронцовым и Степаном Богдановым владел серным, купоросным и красочным заводом, находившемся в Московском у. в Гуслицкой вол. на р. Михайловке (Там же. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 200 об.).

⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 11, 17, 18, 20–23, 27.

⁶⁰ Там же. Л. 8. Владела Верхотулицким и Сементиневским заводами.

⁶¹ Там же. Л. 24.

⁶² Там же. Л. 9. Согласно берг-коллежской ведомости, он владел заводом Крапивенского у. в Засоловском стане в собственных его дачах на р. Солове (Там же. Оп. 1. Кн. 1237. Л. 163 об.).

⁶³ Принадлежал Е. Белову и И. Маэфу (Маеву).

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 13, 15, 16. Имеется также рапорт Ивана меньшого Мосолова (Там же. Л. 10), но его в данном случае не учитываем, т. к. не знаем кто – он или его брат Иван большой – подразумевается в расписке взявшего в конторе «указ и известие заводчику Ивану Алексееву Масалову» «служителя ево» Ипата Семенова (Там же. Л. 6).

⁶⁵ Там же. Д. 106. Л. 36 об.–37 об.

Первая страница работы М. В. Ломоносова «Известие о сочиняемой Российской минералогии» (1763)

были подготовлены 31 декабря – за три недели до интересующей нас серии указов по поводу руд для Ломоносова. Благодаря близости дат и сходству цели можно уверенно рассчитывать на близость списков рассылки обеих серий. Анализ записей журнала 1763 г. позволяет сделать следующие наблюдения:

В отношении списка рассылки. Сверка списка 1763 г. с реконструированной нами частью списка 1764 г. показывает почти полное их совпадение. Из 23 позиций позднего списка аналогий в раннем не находит только заводчица Мария Шапкина, указ и «Известие» для которой были взяты в конторе 23 или 24 января⁶⁶. Не совпадают также имена заводчиков Никоновых, но это различие носит формальный характер. В списке 1763 г. нет заводчика Александра Никонова, указ и «Известие» для которого были взяты в конторе 24 января, но есть Василий Никонов с братьями – группа, в состав которой в неявном виде входит и Александр.

Таким образом, список декабря 1763 г. в границах разумной погрешности можно считать совпадающим со списком рассылки Берг-конторой материалов по «Российской минералогии» января 1764 г. Приводим из первого имени заводовладельцев, дополняющие ранее установленные. Указы были адресованы заводчикам Андрею и Ивану Баташевым (совладельцам), заводчику Василию Арехову, Филиппу и Александру Мосоловым (совладельцам), дворянину Прокофию Демидову, заводчику Ивану меньшему Мосолову, тульскому купцу Ивану Попову, ярославцу Григорью Свешникову, елатомцу Ивану Семизорову, Новоспасского монастыря служителям Ивану и Михайле Серебряковым (компаньонам), романовскому купцу Ивану Терпугову, елецким купцам Григорию и Петру Ростовцовым (совладельцам), скопинскому купцу Ивану Черкасову, титулярному советнику Алексею Турчанинову, тульскому купцу Василью Вышегородцову, московскому купцу Ивану Богданову, московскому купцу Захару Шубину, елецкому купцу Петру Зыкову; оброчным Гуслицкой волости крестьянам Григорию Воронцову «с товарищи»⁶⁷, ярославского Спасо-Преображенского монастыря крестьянину Матвеем Андрееву и в две

⁶⁶ Она – единственная, сведений о ком мы, как уже говорилось, не нашли. По-видимому, владельцей (совладельцей?) завода она была сравнительно недолго.

⁶⁷ Воронцов – один из компаньонов Рахманова, о зачеркнутой расписке которого в полученных документах упоминалось выше.

конторы: домовую гр. Петра Борисовича Шереметева и заводскую генерал-провиантмейстера Якова Васильевича Римского-Корсакова ⁶⁸.

Заметим, что в серии 1763 г. большинство указов адресовано непосредственно заводчикам (физическим лицам). Исключение делалось для представителей элиты – в этих случаях распоряжение посылалось не им лично, а в конторы: домовую гр. П.Б. Шереметева и заводские кн. П.И. Репнина и Я. Римского-Корсакова.

В отношении объема рассылки. Список 1763 г. включает 43 позиции. Принимая гипотезу о совпадении списков, устанавливаем, что по поводу руд для Ломоносова Берг-конторой были подготовлены указы 43 + 1 (М. Шапкина) адресатам. Отметим, что это число близко к количеству экземпляров «Известия», посланных в Берг-контору из Берг-коллегии (50).

По поводу времени подготовки указов. Записи указов серии 1763 г. помещены в журнале под исходящими номерами без разрывов нумерации (подряд с 471 по 513) и все они отнесены к одному дню, а именно, к 31 декабря. Имеются записи и за ближайшие предшествующие числа, равно как существуют не входящие в серию указы от того же 31-го (№№ 461 – 470 и 514 – 518) – последних (с серийными) в общей сложности 58. Таким образом, техническими возможностями и навыком, необходимыми, чтобы в течение короткого срока, за один-два дня, подготовить большое число указов, служащие Берг-конторы обладали. Три недели спустя тиражирование новой серии предназначенных для общей рассылки указов осуществлялось также в сжатые сроки, в режиме единовременной канцелярской акции. Подготовку указов по поводу «Российской минералогии» осуществили, по-видимому, 21–22 января 1764 г. Заключаем это на основании цитируемых ниже записей о начале отправки указов в эти дни, а также с учетом исходящих дат некоторых из указов (только 21 и 22), известных по ответным рапортам ⁶⁹.

Вообще же сведения о *времени рассылки указов* и «Известия» в документах не вполне совпадают. Помета на копии журнальной записи сообщает, что указы «с приложением изъяснений» ко всем замосковным заводчикам были «посланы» 22 января ⁷⁰. Запись, предвещающая расписки лиц, получивших материалы непосредственно в Берг-конторе, извещает, что «указы о присылке руд и при том “Извести[и]” отправлены» 21 января ⁷¹. Наконец, даты в самих расписках охватывают период с 22 по 24 января. Как-то согласовать все это можно, предположив, что часть указов заводчикам подготовили к 21 января, приступили в тот день к их доставке, а с 22-го, когда тиражирование было закончено полностью, их и «Известие» в течение трех дней вручали в конторе.

Но на руки вручили только треть. Доставка остальных производилась, по-видимому, с оказией. Упоминается, что указ компаньонам Панову и Плотникову был послан 27-го ⁷², что довольно поздно – не потому ли, что ждали

⁶⁸ Оп. 2. Д. 106. Л. 36 об.–37 об.

⁶⁹ 21-м января датированы указы к компаньонам Курочкину и Юринскому, Шапкину и Колесову, 22-м – к Даниловой, Криворотову, компаньонам Кильдишеву и Рюмину, к владельцам Кирицкого завода (не названы).

⁷⁰ Там же. Д. 670. Л. 5 об.

⁷¹ Там же. Л. 6.

⁷² Там же. Л. 15.

подходящего случая? Но подробности на этот счет в документах отсутствуют.

Примерно полсотни заводов, которыми ведала Берг-кантора, – это лишь четверть от числа состоявших на учете в Берг-коллегии. Связь с остальными осуществляли три канцелярии. У нас нет материалов, характеризующих действия этих учреждений столь же подробно, как Берг-канторы. Ясно, однако, что, решая сходные задачи, действовали они однотипно.

Канцелярия Петровских заводов, пакет из Петербурга получавшая раньше других, и отчиталась первой – 17 января (рапорт подписали гитенфервальтер Иоаким Фрейгольд и регистратор Василий Назимов). Указы и экземпляры «Известия» были посланы правлениям двух казенных предприятий – Воецкого рудника и Кончозерского завода, а также находившимся в ее ведении четырем заводчикам: вдове Мурашевой с компанейщиками (Охтозерские заводы), Василию Олхину (Туборецкие заводы), Ивану Игачевскому (Туломозерский завод), Ивану Мартьянову (Тивденский завод). Было подтверждено «по наступлени[и] весны поступать во всем, как [...] имянным повелением повелено и печатным “Известием” требовано»⁷³.

Из Канцелярии Главного заводов правления, получившей задание 2 февраля, собственный ее указ и с ним по экземпляру «Известия» разослали «во все подчиненные казенного содержания и партикулярных заводов канторы» уже 6 февраля⁷⁴. Рапорт об исполнении за подписью графа Аполлоса Мусина-Пушкина и секретаря Ивана Матвеева отправили в Петербург 12 февраля⁷⁵. Списка лиц, охваченных рассылкой, в нем не было.

В Канцелярию Нерчинского горного начальства распоряжения, отправленные через Екатеринбург, поступили позже всех – лишь во второй половине мая. Рапорт о получении, подписанный капитаном Григорием Кологривовым и секретарем Иваном Евреиновым и отосланный ими 21 мая, добрался до коллегии лишь 31 августа⁷⁶. Списка получателей «Известия» не было и в нем.

Последующее – история исполнения указов заводчиками и того, как горное ведомство их активность стимулировало. Самый ранний выявленный нами рапорт о «действительном» исполнении относится к концу февраля 1764 г.: о посылке Ломоносову сообщил Берг-канторе приказчик Истинского Залипяжского железного завода Кильдишева и Рюмина⁷⁷.

Круг участников коммуникации на этом этапе меняется. Ранее в него входили, в основном, учреждения (Кабинет, Берг-коллегия, местные горные начальства). Теперь в их круг включаются физические лица – заводчики, которые обращаются к другому физическому лицу – Ломоносову. Анализ этих связей чрезвычайно интересен, и мы надеемся посвятить ему особую работу.

В этой статье остановимся далее только на тех событиях, участниками которых были Ломоносов и учреждения системы горного ведомства.

⁷³ Там же. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 335–335 об.

⁷⁴ Там же. Л. 338.

⁷⁵ Там же. Л. 338–338 об.

⁷⁶ Там же. Л. 333.

⁷⁷ Там же. Д. 670. Л. 11. В этом деле имеется еще 7 рапортов о посылке образцов, но 5 из них относятся ко второй половине года, т. е. связаны с исполнением повторного указа, посланного Берг-коллегией через полгода после январского.

Новые импульсы и их последствия

Это удивляет, но процедура, которой, исполняя задание императрицы, первоначально следовало горное ведомство, не подразумевала контроля за исполнением. Неизвестно, информировала ли Берг-контора и канцелярии головную организацию о практических результатах своих действий. В первых указах Берг-коллегии этого не требовали. Как следствие, к лету 1764 г. ясного представления о состоянии дел в коллегии не имелось, о чем она прямо писала в новых указах подчиненным начальствам.

Ранее нами высказывалась догадка о том, что при посещении Екатериной II Ломоносова в его доме 7 июня 1764 г. он прямо или завуалировано пожаловался ей на недостаточную расторопность коллегии⁷⁸. В «Известии» он пообещал приступить к печатанию своего труда в начале 1765 г. Прошла половина отведенного срока, а руды еще только начинали к нему поступать. Не исключено, что, воспользовавшись возможностью, Ломоносов решил подстегнуть «смежников» (а заодно подстраховаться на случай задержки с исполнением обещанного), и Шлаттер получил указание (скорее всего устное) активизировать работу своего ведомства. Не исключаем, впрочем, и собственной инициативы на этот счет Берг-коллегии, которой рано или поздно предстояло отчитаться о выполнении высочайшего повеления.

Рассмотрев вопрос и вынеся 21 июня по нему определение⁷⁹, коллегия 30 июня разослала на места новые распоряжения⁸⁰. В указе Берг-конторе отмечалось, что и с казенных заводов «тех руд в Берг-коллегию не прислано», и от частных заводчиков, посланы ли ими руды к Ломоносову – «за неприсылкою» в коллегию рапортов неизвестно. Последняя требовала от конторы еще раз «всем заводчикам накрепко подтвердить, чтоб они, ежели ими поныне паче чаяния не исполнено, предписанных [...] руд» к Ломоносову «в самоскорейшем времени послали». Предписывалось не мешкать и с посылкой в коллегию руд от казенных заводов⁸¹.

В Берг-контору распоряжение поступило 8 июля. Сохранился подготовленный там указ одному из заводовладельцев (А. Морозовой), сообщающий о полученных из коллегии распоряжениях, требующий их исполнить и отчитаться об этом рапортом. Под текстом стоит помета, свидетельствующая об аналогичных посланиях 18 августа другим заводчикам⁸². Более половины сохранившихся в деле Берг-конторы рапортов 1764 г. связано с указами как раз данной «второй волны».

Но и это напоминание оказалось не последним. На требование обеспечить материалами проект Ломоносова наложилось еще одно присланное из Академии. О нем извещали указы Берг-коллегии в ее местные структуры от 4 октября 1764 г. Сами указы обнаружить не удалось, но их содержание от-

⁷⁸ Юркин И. Н. Научное творчество М.В. Ломоносова в области геологии и минералогии: контексты замыслов и свершений // Годичная конференция ИИЕТ РАН. 2009 (в печати).

⁷⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 339.

⁸⁰ Там же. Л. 340 об.; Кн. 1286. Л. 439.

⁸¹ Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 25–25 об.

⁸² Там же. Л. 28–28 об.

ражено в ответных рапортах. Берг-конторе было велено «куриозные руды и вещи по требованию ис Канцелярии Академии наук, собирая, прислать и впредь присылать со описаниями для отсылки во оную Канцелярию»⁸³. О результатах контора известила еще в июле 1761 г.: просимого как в ней, так и «при лаборатории» не обнаружилось⁸⁴. Теперь, в 1764 г., указами «с крепким подтверждением» контора снова потребовала от заводчиков «означенные куриозные руды и вещи, ежели у кого оныя имеются и впредь отыскаться могут, в Канцелярию Академии наук в самой крайней скорости отсылать и в Берг-кантору репортовать». Обо всем, что «по тем указом учинено будет», контора рапортом в коллегию 16 ноября 1764 г. за подписью Василия Сумарокова, Петра Богданова и секретаря Ивана Яковлева, обещала коллегии сообщать⁸⁵.

Другая местная структура – Канцелярия Главного заводов правления – указ от 4 октября получила 15 ноября. Вот содержание этого документа в изложении ответного рапорта: «по силе преждепосланных указов как с казенных, так и с партикулярных заводов *всяких руд и штуфов и других куриозных вещей* (здесь и далее курсив наш. – И. Ю.) с надлежащими об них изъяснениями для сочинения обстоятельной “Минералогии” прислать в самой скорости»⁸⁶. (Любопытная деталь: два задания – касающееся руд для «Российской минералогии» и более раннее, по поводу «куриозных» руд, – здесь смешаны, т. е., в отличие от московских читателей, читателями в Екатеринбурге поняты как одно.). В рапорте, направленном из канцелярии 22 декабря за подписью графа Аполлоса Мусина-Пушкина и скрепой секретаря Ивана Матвеева, со ссылкой на подготовленную в ней справку коллегия уведомлялась, что «из некоторых команд» (названы пять заводских контор плюс два завода) «со всех при тех заводах рудников» руды «по пристойному числу» при okazиях посланы, «а ис протчих команд отсылка требуемых руд и металлов учинена ль – за не присылкою о том репортов оной канцелярии неизвестно»⁸⁷. В документе, поступившем в коллегию лишь 7 февраля 1765 г., обрисовано положение дел и только, заверения и обещания отсутствуют – не признак ли это зарождения сомнения в возможности достижения успеха?

Выяснив, что региональный орган информирован о положении дел пока ненамного лучше центрального учреждения, коллегия потребовала во все места, откуда рапортов «в присылке нет, о скорейшей оных во оную канцелярию присылке подтвердить накрепчайшими указами» (запись в журнале от 21 февраля, подписанная 28)⁸⁸. Указ был послан 3 или 4 марта⁸⁹. Распоряжение касалось исключительно Канцелярии Главного заводов правления. Местные учреждения находились на разных расстояниях от Петербурга, связь

⁸³ Кн. 1233. Л. 354.

⁸⁴ Там же. Л. 354 об.

⁸⁵ Там же. Л. 354 об.–355. Новый всплеск внимания к «куриозным» рудам придется на 1768 г. (изложение связанных с ними указов Берг-коллегии подведомственным структурам от 26 мая см. в РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1286. Л. 441 об.–442).

⁸⁶ Там же. Кн. 1233. Л. 356.

⁸⁷ Там же. Л. 356 об. Примерно с этого времени словосочетание «руды и минералы» начинает замещаться в документах сочетанием «руды и другие куриозные вещи».

⁸⁸ Там же. Л. 358–358 об.

⁸⁹ Там же. Л. 358 об. (первый); 359 об. (второй).

осуществлялась с задержками разной длительности. Дать новое задание можно было одновременно всем, реакция же на ситуацию на местах оказывалась привязана к известиям с мест, поступавшим не одновременно.

21 мая 1765 г. рапортом за подписями Петра Степанова и секретаря Ивана Матвеева канцелярия отчиталась перед коллегией в том, что подтвердила заводчикам необходимость присылки руд Ломоносову. Документ весьма информативен: перечислены не только исполнившие предписание, но и «протчие команды», от которых отсылка руд и металлов «учинена ль – за неприсылкою о том репортов в здешней канцелярии неизвестно»⁹⁰.

Доставка руд с казенных заводов

Берг-коллегия трудилась не напрасно. Руды к Ломоносову пошли. Посылки, направлявшиеся к нему непосредственно, далее рассматриваться не будут (они – результат того типа контактов, рассмотрение которого пока не входит в нашу задачу). Но часть материала – руды с казенных заводов – поступали сначала в коллегию и только из нее к заказчику. В этих контактах участвовало учреждение, и они, следовательно, – наши.

В рапорте Канцелярии Петровских заводов от 20 августа 1764 г. сообщалось, что материалы с казенных рудников «как есть уже совсем к отсылке изготовлены» и «в государственную Берг-коллегию отосланы быть имеют немедленно». В Петербурге известие получили 3 сентября⁹¹. В это время сюда спешило новое доношение, отправленное еще в конце месяца⁹². Оно извещало, что в коллегию «для отсылки к сочинению [...] статским советником и профессором Ломоносовым “Россииской менерологии” (так. – *И.Ю.*)» с солдатом Андреем Котовым отправлены «из здешних казенных медных рудников руды», всего 23 образца из трех рудников, «в том числе под пятым номером штуфец Воецкого рудника с показанием самородного в шести местах золота»⁹³. Образцы сопровождало их описание. Железные руды (на них работал Кончозерский завод) отсутствовали – совсем недавно канцелярия их уже посылала.

Вынесенное Берг-коллегией определение, записанное в журнал 23 сентября, гласило:

как означенныя присланныя [...] медных рудников руды, так [и] из имеющих у обер-берг-пробирера железных руд, взять от него по части, с приобщением с реэстров копии отослать [...] господину Ломоносову⁹⁴.

Указ обер-берг-пробиреру Ф. Беттигеру был составлен 4 октября⁹⁵. 13 октября последний рапортовал в коллегию:

⁹⁰ Там же. Л. 372–373.

⁹¹ Там же. Л. 342–342 об.

⁹² На беловике дата не стоит, указан только месяц. Помета над текстом сообщает, что доношение было получено 13 сентября (Там же. Л. 345), т. е. на 10 дней позже предыдущего. Если считать, что в пути оно находилось равное с ним время, датой отсылки окажется 30 августа.

⁹³ Там же. Л. 345 об.

⁹⁴ Там же. Л. 348–348 об.

⁹⁵ Там же. Л. 349–349 об.

взъношу при сем для отсылки к господину статскому советнику и профессору Ломоносову из имеющих у меня в хранении присланных в 1763-м году ис Канцелярии Петровских заводов тритцати одной железных руд по часте, а ис каких оныя мест взяты, то значится в приобщенном при сем реэстрѣ ⁹⁶.

В тот же день в коллегии было составлено письмо Ломоносову ⁹⁷, а назавтра руды были ему и доставлены, что тот подтвердил распиской. Отметим внимание, проявленное Ломоносовым при приеме руд: в расписке значится, что в образце «с показанием самородного золота» его в действительности «не явствует». Было замечено отсутствие двух образцов (№ 11 и 17) ⁹⁸, из чего заключаем, что Ломоносов при приеме поштучно сверял полученное с его описью ⁹⁹.

Доношение из Канцелярии Нерчинского горного начальства за подписью маркшейдера Дмитрия Головачева о посылке в коллегию руд со сведениями об их местонахождении было отправлено 8 декабря 1764 г. ¹⁰⁰. Эти сведения содержит подписанное им же «Описание о находящихся в Даурии рудных местах и о прочем», выделяющееся в сравнении с петрозаводским (по сути и форме – простым списком) широтой охвата вопросов, осознаваемых как взаимосвязанные. Перед нами статья естественно-научного содержания, дающая развернутую характеристику природных богатств края с акцентом на полезные ископаемые. Образцы использованы в качестве иллюстраций – их номера поставлены на полях там, где говорится о рудах данного типа ¹⁰¹. Текст «Описания» достоин специального рассмотрения. Как и несколько уже отмеченных исследователями описаний (заводовладельца, члена-корреспондента Петербургской академии наук П. И. Рычкова ¹⁰² и обер-берг-мейстера И. Лейбе) оно могло бы оказаться весьма полезным при работе над «Российской минералогией».

Материалы из Нерчинска добирались до Петербурга три с лишним месяца. Запись в журнале Берг-коллегии об их отсылке Ломоносову (описание – в копии ¹⁰³) датирована 16 марта 1765 г. Тогда, же в марте, было подготовлено сопроводительное письмо Ломоносову. Но что-то отсылку задержало (в черновике месяц в дате исправлен на более поздний), а случившаяся вскоре смерть ученого сделала письмо неактуальным ¹⁰⁴.

⁹⁶ Там же. Л. 351.

⁹⁷ Там же. Л. 350–350 об.

⁹⁸ Там же. Л. 353.

⁹⁹ Сейчас, разумеется, не установить, действительно ли образцов не было, или Ломоносов их просто не нашел. Но обвинять в чем-то Берг-коллегию, опираясь исключительно на текст этой расписки, мы бы остереглись.

¹⁰⁰ Там же. Л. 360.

¹⁰¹ Там же. Л. 361–366.

¹⁰² Возможно, он уже осмыслился ученым: «весьма дельная» записка Рычкова «о рудных породах на его заводах» обнаружилась в портфелях Ломоносова (*Биллярский*. Материалы для биографии Ломоносова... С. 628).

¹⁰³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 367.

¹⁰⁴ Там же. Л. 368.

О посылках Ломоносову руд с казенных уральских предприятий (заводов Екатеринбургского, Каменского и от Екатеринбургской золотых производств горной экспедиции) сообщено в упоминавшейся статье Данилевского, но его информация касается собственно руд, процедуры их доставки и передачи в этой работе не затрагиваются. Неясно даже, когда были переданы материалы. Единственное связанное с этим датированное событие, упомянутое автором – посылка Ломоносову 19 образцов золотых руд, которая состоялась, якобы, 19 декабря 1764 г.¹⁰⁵ Наши документы ставят эту дату под сомнение.

Как следует из них, руды и описание из Канцелярии Главного заводов правления в Петербург были отпущены только 28 мая 1765 г., через неделю после отсылки в туда рапорта с описанием положения с исполнением задания частными предприятиями. Получается, что уральские казенные заводы отчитались о сделанном позже забайкальских, несмотря на существенно меньшее расстояние от столицы и, соответственно, большее время, которым они могли располагать. В рапорте Канцелярии Главного заводов правления от 28 мая сообщается ее определение и действия, в связи с ним предпринятые: решено руды «по пристойному числу» для отдачи Ломоносову отослать в Берг-коллегию; они посланы, откуда – «тому приобщен со изъяснением номеров каждому месту и рудным камням при сем реэстр»¹⁰⁶. О прежних посылках не упоминается, поскольку их не было. В описании – сведения об образцах с рудников Екатеринбургского завода (10), Каменского (6) и Екатеринбургской золотых производств горной экспедиции (19). Образцы руд, представленные экспедицией, имеют в описании собственную сквозную нумерацию – с № 1 по № 19¹⁰⁷. Это, несомненно, те самые 19 образцов, которые упомянул Данилевский. Но посланы в Петербург они были не в декабре 1764 г., а лишь в мае 1765-го. Какому же событию отвечает приведенная Данилевским дата 19 декабря? Едва ли ошибемся, предположив, что так был датирован документ об отсылке этих руд из экспедиции в канцелярию, где им предстояло пролежать пять с лишним месяцев.

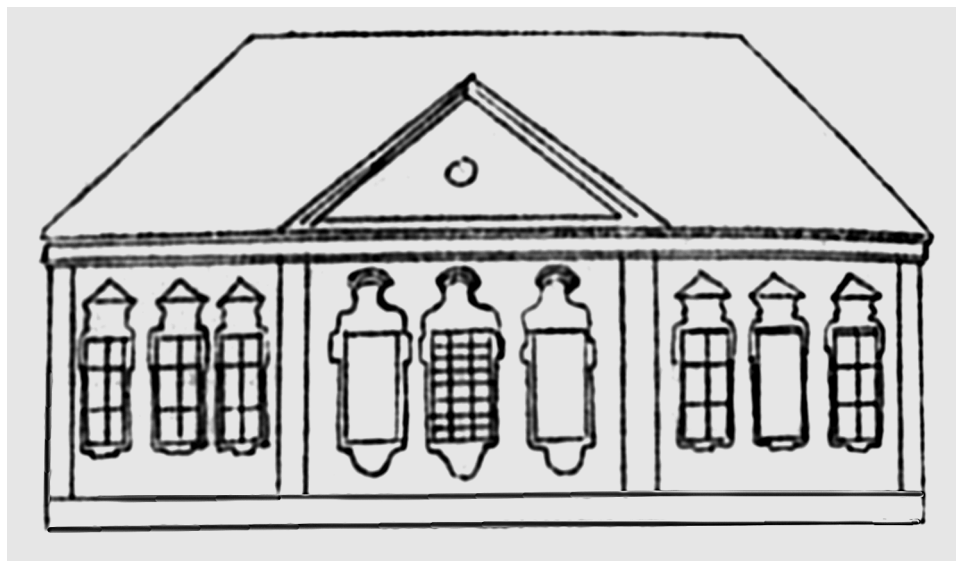
Что обусловило столь длительную задержку? Возможно, действия самой канцелярии. Образцы, полученный ею из Каменской заводской конторы, были взяты от «лежащих по примечанию золотосодержащих жил». Канцелярия решила предварительно их «здесь опробовать», чем, не спросив разрешения Берг-коллегии, задержала отсылку. Долг перед Ломоносовым было решено возместить присылкой еще одной «порции» руд. Увеличенный объем новой партии (по 2 пуда против прежних 5 фунтов), сопровождавший заказ комментарий («не разделяя кусков, примечанию достойных, присовокупя от самых горы камни, кои содержат оную руду, также пески, глины и камышки небольшие, находящиеся при оных рудных местах с ясным описанием»¹⁰⁸), свидетельствуют о намерении канцелярии и задание выполнить, и, не откладывая дела, продолжить изучением находок из перспективного района.

¹⁰⁵ Данилевский. Ломоносов как исследователь... С. 221.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 369–369 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 370–371 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 356 об.–357.

Фасад здания бывшей Тайной канцелярии на территории Петропавловской крепости, в котором после переезда из Москвы в Петербург некоторое время находилась Берг-коллегия. Вид после ремонта 1784 г. Прорисовка С. Д. Степанова с чертежа, находящегося в РГА ВМФ

Завершая обзор сведений о рудах с казенных заводов, добавим, что такого материала из Берг-конторы не существует, поскольку в ее ведении казенных заводов не было. Казенные Колывано-Воскресенские заводы, с которых были посланы руды, здесь не рассматриваются по причине особой их подведомственности: ими управляла не Берг-коллегия, а Кабинет.

Как мы видим, освободив себя (по желанию Ломоносова, совпавшем, скорее всего, с собственным) от забот по доставке материала с частных заводов, Берг-коллегия добросовестно исполняла часть работы, которую возложила на себя добровольно: передачу руд с заводов казенных.

После 5 апреля

Механизм сбора материалов для «Российской минералогии» запускался медленно, с трудом. Предприятий, которые требовалось привлечь, было много (около 200), они различались по профилю и формам собственности, размещались на обширной территории. Неудивительно, что на развертывание компании потребовалось более полугода. Невозможно было и быстро ее свернуть, если бы Берг-коллегия на это решилась. А она после смерти ученого не решалась, поскольку задание императрицы никто не отменял. Перспектива работы утратила определенность, ситуация требовала разъяснения.

Из числа участников проекта оказался исключен человек, давший работе исходный толчок и выступавший конечным потребителем ее результатов. Сами отношения между участниками при этом не разрушились – лишь перетекли в плоскость отношений Берг-коллегии и Академии наук. Эта трансформация

представляет интерес и в плане механизма перетекания, и в содержательном плане.

Запущенный и уже разогнавшийся механизм смерти Ломоносова (5 апреля 1765 г.) поначалу не заметил – руды к нему и в коллегию продолжали поступать. С казенных заводов он успел получить только олонекские. Прочие поступили в коллегию слишком поздно. Смерть Ломоносова поставили ее перед вопросом, что делать с этими материалами.

Как уже указывалось, решение о передаче Ломоносову руд, присланных из Забайкалья, было записано в журнале в середине марта – за три недели до смерти ученого. Передача задержалась, и в подготовленном сопроводительном письме март в дате заменили апрелем. Но не состоялась она даже в мае. Можно предположить, что внимание Берг-коллегии было отвлечено текущими заботами. Вопрос о сборах минералов со смертью беспокойного Ломоносова утратил остроту и отодвинулся на второй план.

Между тем, 16 июня в коллегию поступила новая партия руд – на этот раз из Канцелярии Главного заводов правления, в связи с чем 20 июня велено было «учинить *особое* определение»¹⁰⁹. Общее решение по данному вопросу выработано, как видим, еще не было. В определении, подготовленном до 1 июля (дата подписания), ключевая мысль сформулирована следующим образом:

как оная отсылка к нему, Ломаносову, руд и протчих куриозных вещей определена была в силу высочайшаго Ея Императорскаго Величества повеления, и что он, статской советник Ломоносов, находился членом в Канцелярии Академии наук, то по смерти ево не препоручено ль оное сочинение минералогии (к чему и оные руды требовались) кому другому, о том уповательно в той Канцелярии Академии наук безызвестно.

Далее собственно определение:

от онои канцелярии требовать известия: впредь таковыя руды, когда оные присыланы будут в Берг-коллегию ис казенных мест, то от Берг-коллегии, а с партикулярных заводов от себя, им во оную Канцелярию Академии наук или куда в другое место отсылать, дабы Берг-коллегия могла о том быть известна и куда потребно надлежащая наряды учинить.

Уже поступившие руды решено было, не дожидаясь ответа, отослать при промемории в Академическую канцелярию¹¹⁰. Промеморию подготовили (8 июля) и за подписью члена присутствия Федора Герца и скрепой секретаря Михаила Архипова отправили. По поводу скопившихся в коллегии материалов для Ломоносова специально отмечено, что они «с приобщением со описаний копией [...] посылаются»¹¹¹.

Об исполнении решения сообщает запись на обороте черновика старого (составленного по поводу нерчинских руд) и так и не посланного письма к Ломоносову из Берг-коллегии. В ней отмечено, что руды «отданы находяще-

¹⁰⁹ Там же. Л. 369 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 374 об.–375.

¹¹¹ Там же. Л. 376–376 об.

муся при тои Академии камисару Семену Бухвостову, о которых в приеме и росписка от него взята»¹¹². Датированная 14 июля, она сохранилась. В ней, между прочим, упомянуто, что приемка велась «по приобщенному росписанию», т. е. подобно тому, как ее осуществлял Ломоносов. Присланные руды (нерчинские и уральские) находились в двух ящиках, разделенные, скорее всего, по регионам. Их сопровождал (и он же сдал груз) подканцелярист Петр Соболев¹¹³.

Канцелярия Академии наук с ответом не спешила: 22 августа в распоряжении коллегии его еще не было. Мы не нашли его следов и для более позднего времени.

Вопрос, поставленный перед академией Берг-коллегией, касался судьбы руд как с казенных, так и партикулярных заводов. Нас частные заводчики волнуют в данном случае меньше, поскольку их связи с Ломоносовым не затрагивали структур управления горного ведомства и выходят за рамки темы. Упомянем, однако, эпизод, выпадающий из этого ряда – в нем собственник предприятия посылает образцы не Ломоносову (как частные заводладельцы), и даже не в местную канцелярию (как все казенные), а в Берг-коллегию. Так поступил представитель рода Демидовых – внук основателя династии Прокофий Акинфиевич, владелец Невьянского и нескольких других заводов. Демидов ссылался на указ, присланный в его Невьянскую заводскую контору из Канцелярии Главного заводов правления¹¹⁴. В нашем распоряжении нет его текста, но можно не сомневаться, что адрес для посылки указывался в нем согласно предписаниями Берг-коллегии: лично Ломоносову.

В рапорте из Канцелярии Главного заводов правления от 21 мая 1765 г. Невьянская контора указана в числе должников – тех, «отсылка требуемых руд и металлов» которыми «учинена ль – за неприсылкою о том репортов в здешней канцелярий неизвестно»¹¹⁵. Демидов отправил ящик с образцами и их описанием только 8 августа¹¹⁶, причем отправил, как сказано, мимо канцелярии – в коллегию. Там, приняв посылку 22 августа, на следующий день приняли решение направить демидовские руды в Канцелярию Академии наук. И одновременно – повторно запросить у нее, куда в дальнейшем пересылать собранные для Ломоносова руды¹¹⁷. Журнал с записью этого решения был подписан 2 сентября. Исполняя его, руды и сопровождавшие их бумаги в Академическую канцелярию несомненно отправили, но когда именно – не ясно (запись о передаче¹¹⁸ и росписка приемщика, того же Бухвостова¹¹⁹, не датированы).

¹¹² Там же. Л. 368 об.

¹¹³ Там же. Л. 377.

¹¹⁴ Там же. Л. 378.

¹¹⁵ Там же. Л. 372 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 378.

¹¹⁷ Там же. Л. 380–380 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 381.

¹¹⁹ Там же. Л. 382 об.

Экскурс в предысторию

Итак, некоторые из поставленных задач – восстановление истории подготовки в 1764 – начале 1765 гг. к осуществлению ломоносовского проекта «Российская минералогия», выявление роли в этой работе Берг-коллегии, оценку ее вклада в промежуточные результаты – в общих чертах решить, полагаем, удалось. Остались, однако, и незатронутые вопросы. Решение одного – об отклике частных заводов на призыв Ломоносова – технологически настолько громоздко, что мы предпочитаем выделить его «в особое производство», тем более что ущерба реконструкции общей картины это не нанесет. Но есть вопрос, невниманием к которому картину, несомненно, исказит. Имеются в виду связи минералогических проектов Ломоносова с работой, которая в это время велась в самой Берг-коллегии.

Чтобы разобраться в ситуации, необходимо вернуться на несколько лет назад. Хорошо известно, что минералогический проект 1763 г. был не первой попыткой такого рода, предпринятой Ломоносовым, а по меньшей мере второй. Как установил Д. В. Тюличев, в декабре 1760 г. в Академической типографии печаталось его «Кратное наставление для собирания минералов» (работа не разыскана)¹²⁰. В следующем году ученый представил Сенату оригинальный план сбора руд и минералов с широким привлечением населения¹²¹. Деревенские старосты и сотские должны были организовать «малых ребят» на сборы по берегам рек, отобрать из собранного ими образцы и обеспечить их отправку в воеводские канцелярии с крестьянами, везущими товары в города. Направленный Сенатом в Канцелярию Академии наук для представления по нему «рассуждения», план вызвал неоднозначное и у многих скептическое отношение. Присоединяемся к мнению тех членов ученого сообщества, которые посчитали неисполнимым проект, в основе которого лежала, по выражению Е. А. Радкевич, «необычная» идея, «всенародного содружества народных масс с ученым»¹²². (Наряду с дельными и перспективными подобные странные идеи время от времени посещали даже Петра Великого. Вспомним, например, его попытку переучить российских крестьян косить хлеб, заменив серпы подсмотренными им в Прибалтике «малыми» косами с граблями, для чего он указал послать в каждую губернию по два «учителя»¹²³. И ведь послали, да еще и с нарочными офицерами!) Но в данном случае важно другое: такой проект был, и с его содержанием были ознакомлены и члены академии, и властные структуры.

Нигде в известной нам литературе не упоминается, однако, о другом проекте, без всякой помпы запущенном Берг-коллегией в том же 1761 г. Здесь рассудили, что желательно бы было иметь книги со сведениями о российских рудниках, «где сыщутся и освидетельствуются». Рассудив, приступили к его реализации: послали указы в Берг-контору, канцелярии и горные начальства о том, чтобы на

¹²⁰ Тюличев. Книгоиздательская деятельность... С. 231.

¹²¹ Ломоносов М. В. В Правительствующий Сенат нижайшее доношение от коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова // ПСС. Т. 5. С. 351–355.

¹²² Радкевич. Новые данные о материалах... С. 96.

¹²³ ПСЗ. Т. 6. № 3781. Указ – именной, данный президенту Камер-коллегии.

всякое место о своем округе книги сочиняли и с них копии в Государственную Берг-коллегию присылали, дабы из оных в помянутой коллегии генеральную книгу всем в государстве находящимся рудникам у[чи]нить, х которой и имеющиеся в Берг-коллегии оным рудникам рисунки сообщить и вместе переплесть¹²⁴.

Работа пошла, о чем свидетельствует, в частности, сохранившийся рапорт Оренбургского горного начальства, содержащий его (начальства) определение:

в подчиненныя здешнему начальству партикулярныя заводы в заводския канторы послать указы: [...] всем медным и железным рудникам, заявленным к тем заводам, [...] учинить о каждом заводе порознь книги [...] А как порядком те книги учинить – о том при тех указах послать формы¹²⁵.

В общем, организовывалось все по схеме, близкой к той, с которой мы уже знакомы.

Для чего все это затевалось? Вот суждение Ломоносова:

Одно любопытство довольно побуждает, чтобы знать внутренность российской подземной природы и оную, для общего приращения наук описав, показать ученому свету. Но и нет сомнения, чтобы в такой обширности не было по разным местам еще неизвестных руд, дорогих металлов и камней.

Далее о том, как обойтись без специалистов, требующихся «к изысканию оных по всем местам Российского государства»¹²⁶. Цели научная и практическая, последняя – в открытии новых месторождений.

А вот разъяснения Берг-коллегии:

Понеже для лутчаго ведения о рудниках всего государьсва в Государственной Берг-коллегии иметь должно книги [...] ведомства ея во всех канцеляриях и горных началствах [...], в которые ныне имеющиеся наличныя рудники надлежит вписать, где сыщутся и освидетельствуются; [...] а ежели которыя когда пресекутся или оставятца зачем вовсе – то возле оных во особливой графе о том означивать; дабы чрез такое учреждение всегда было о рудниках известно, и в случаях, потребующих рассмотрения, было бы о чем справиться, а наипаче дабы оныя напрасно уничтожены или утаены для каких-либо предлогов и споров не были¹²⁷.

Цель чисто практическая: описываем для предотвращения необоснованного закрытия, утаивания, разбора конфликтных ситуаций.

При сравнении проектов бросается в глаза их близость по времени: донесение Ломоносова в Сенат датировано 7 июня 1761 г., а обсуждение членами присутствия Берг-коллегии «генеральной книги всем рудникам» состоялось

¹²⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1203. Л. 128.

¹²⁵ Там же. Л. 129 об.

¹²⁶ Ломоносов. В Правительствующий Сенат... С. 351, 352.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1203. Л. 128.

24 августа того же года. Отметим также, что каждый автор придает носящейся в воздухе идее форму, отражающую специфику его профессиональных занятий. От Академии, представляемой Ломоносовым, естественно ожидать «выпячивания» научной составляющей (хотя бы и прикладной), для надзирающего за промышленностью госоргана – совершенствования алгоритма решения задач, с которыми он сталкивается в практической работе. При всем различии сторон – медаль одна: в обоих случаях предпринимается генеральная «инвентаризация» минеральных богатств российских недр.

Отметим, наконец, наряду с сильными и слабые стороны каждого проекта. Для ломоносовского – прежде всего, недостаточную его технологичность. (Впрочем, даже если представить, что втянуть население в собирательскую работу удалось, очевидно, что обеспечить материалом работу над «полной» минералогией таким способом не возможно. Но Ломоносов эту задачу пока еще, видимо, не ставил). У коллежского проекта другая ахиллесова пята – уж очень он приземлен: описали содержимое рудников, переплели с рисунками в книги – и дело с концом.

Нам не известно, знал ли Ломоносов о проекте, запущенном в Берг-коллегии, и знали ли в коллегии об инициативе Ломоносова. Если предположить, что каждая из сторон такую информацию имела, соблазнительно рассмотреть возможность взаимного влияния. Известие о проекте, внесенном Ломоносовым в Сенат, возможно, подтолкнуло горное ведомство к сбору сведений о рудниках находившихся в ее ведении предприятий. Ломоносов, узнав о намерении Берг-коллегии, осознал, что взаимодействие с этим ведомством куда перспективнее, чем с сельскими старостами. С ее помощью можно было замахнуться на решение масштабной научной задачи – создание «Российской минералогии».

Свет и тени сотрудничества

Характерной чертой ломоносовских начинаний в сфере науки является присутствие в них прикладной составляющей. Они, конечно, направлены на получение нового знания, но редко только на это. Ломоносов и Академия наук в его лице пытаются внести вклад еще и в развитие государства. Наш материал показывает такую возможность по отношению к сфере народного хозяйства. «Российская минералогия», будь она написана, несомненно, оказалась бы полезной специалистам на горных заводах. Ломоносов еще в проекте 1761 г. оттенял практическую его значимость: писал о неоткрытых пока рудах, «которые могли бы служить для приращения государственного богатства, могущества и славы»¹²⁸. Во многом именно ожидаемая от приложения результатов польза определила поддержку рядом практиков его проекта 1763 г. (усматриваем ее, в частности, в обширности некоторых присланных описаний, объемом и информационно-емкостью намного превосходящих достаточный минимум).

Демонстрировать свою способность приносить практическую пользу академия могла, разумеется, и собственными, чисто академическими, средствами.

¹²⁸ Ломоносов. В Правительствующий Сенат... С. 351.

Рудокон около шахты. Фрагмент рисунка (фигура 13) из книги М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел» (1763), изображающего устройство разновидности насосов, «которыми из рудников воду выливают»

Но проекты масштаба «Российской минералогии» при таком подходе были ей не по силам. Запуская его, она могла рассчитывать прежде всего на собрание Минерального кабинета Кунсткамеры, в какой-то степени – на материалы из частных кабинетов естественной истории. Минералогическую коллекцию Академии Ломоносов знал хорошо (он участвовал в ее описании) и, зная, осознавал его недостаточность для характеристики руд и минералов России в целом. Обширных собственных коллекций он не имел, так как, вернувшись из Германии, путешествий, позволявших их собрать, не предпринимал. Без новых сборов, без помощников для их проведения о «Минералогии» нечего было и думать.

Круг задач, доступных Академии наук, расширялся, если она действовала в связке с государственными учреждениями, способными привлечь административный ресурс. В данном случае помощь оказал отраслевой орган государственного управления – Берг-коллегия.

Напрашивается вопрос об авторстве абсолютно здоровой идеи ее подключения к работе: принадлежит она Ломоносову, еще недавно предлагавшему не-

что иное, или государыне? От поиска ответа отказываемся: она (идея) проста и самоочевидна, чтобы додуматься до нее, не нужно было быть ни великим ученым, ни великой императрицей.

В принципе, Ломоносов мог бы выступить с ней еще в 1761 г. и, оказавшись она на экспертизе у академиков, едва ли они оценили бы ее столь же строго, как идею научного содружества со старыми и малыми российских деревень. Было, однако, обстоятельство, делавшее в то время для Ломоносова такое предложение невозможным. Изданных работ в этой и близких сферах у него было немного. Напротив, глава Берг-коллегии И. А. Шлаттер только что, в 1760 г., напечатал в Академической типографии «Обстоятельное наставление рудному делу» и заявил о готовящемся им 10-томном издании, посвященном описанию металлургии. В этой ситуации надеяться заставить возглавляемое им ведомство работать на Ломоносова было затеей нереалистичной. Вот и получилось, что ученый выступил с другим проектом, имевшим немного шансов реализоваться, но позволявшем, не задевая Шлаттера, осуществить новое его (Ломоносова) профессиональное позиционирование: он напоминал о себе, как о специалисте в данной области и заявлял о наличии у него научных планов и идей, имеющих практическое приложение. Заявку должен был подкрепить скорый выход из печати «Первых оснований металлургии или рудных дел». Примечательно, что свой проект ученый направил в Сенат. Очередной раз «прыгая через голову», он добивался, чтобы его там запомнили как минералога и знатока руд.

В 1761 г. цель написать «Минералогию» Ломоносов перед собой, похоже, не ставил или, во всяком случае, к числу важнейших не относил. Но за два года он с ней сжился. В 1763 г., преследуя ее, при поддержке императрицы он запустил проект, в технологическом плане более совершенный, не просто имевший шанс реализоваться, но, казалось, обреченный на успех. Взаимодействие развивалось успешно. Лишь смерть ученого помешала использовать обширный материал, подготовленный для него практиками и управленцами.

Обозревая изложенное, можно отметить в целом достаточно добросовестное и профессиональное отношение Берг-коллегии к порученному ей делу. Решения и действия ее президента Шлаттера и членов присутствия, не будучи оригинальными (они следовали в русле универсальных процедур, идущих от Генерального регламента 1720 г.), были адекватны и своевременны. Хотя работа имела значительный инкубационный период и, сдвинувшись, продвигалась медленно, трудно представить себе более рациональную схему ее организации. Явных признаков, позволяющих заподозрить в действиях коллегии скрытое сопротивление, не прослеживается.

Но это – именно *в целом*. Отдельные детали, штрихи могут быть истолкованы как наличие между Ломоносовым и Берг-коллгией, между проектом «Российская минералогия» и той работой, которую уже выполняло горное ведомство и его руководитель, некоторого, скажем осторожно, *напряжения*.

Его существование можно усмотреть, например, в различии схем связи – той, которую требовал Ломоносов, и схемы, установленной Берг-коллгией. Ученый, как мы помним, добивался отсылки к нему материала напрямую с заводов. Берг-коллегия требование удовлетворила с одной поправкой: руды и описания с казенных заводов распорядилась посылать не напрямую, а к

ней, обещая переправить полученное уже от себя. Не намеревалась ли Берг-коллегия фильтровать полученную информацию?

О том, что такое было возможно, свидетельствует другое архивное дело. События, в нем отраженные, относятся к 1764 г. и касаются исполнения запроса того же Ломоносова, поэтому наблюдения над отношениями сторон, которые можно вынести из этой истории, допустимо перенести на историю с «Минералогией». 24 ноября Берг-коллегия получила из Академической канцелярии промеморию за подписью Ивана Тауберта и секретаря Михаила Гурьева, в которой со ссылкой на высочайший изустный указ Ломоносову сочинить карты о российских продуктах и к ним описание, коллегии «в самой скорости» предлагалось представить обстоятельное известие, «где промышляются или добываются следующие вещи, а имянно, квасцы, мрамор, мел, нефть, яшма». Коллегия определила, справившись «со обстоятельством», немедленно ответить. Архивариус, актуариус, канцеляристы и подканцеляристы принялись за работу. В деле сохранился отпуск подготовленной для Канцелярии Академии наук промемории от 21 декабря 1764 г. за подписью членов присутствия Дмитрия Борисова, Федора Арбузова и секретаря Михаила Архипова, интересный наличием фрагмента, из окончательного текста удаленного. В нем сообщается о «вододействуемых» фабриках для «розрезывания», шлифования и полирования мрамора, по указу 1745 г. устроенных казной при Екатеринбургском и Северском заводах, из которых вторая была позднее передана заводчику Алексею Турчанинову¹²⁹. Нам неизвестно, почему этот материал «выпал» из окончательного текста, хотя сведения о «мраморнорезных» фабриках по содержанию органично с ним связаны и не вызывают сомнения в достоверности. Устарел? Но все глаголы в настоящем времени («*отправляется*», «*возится*», «*отпускается*»). Получается, что информация, подобранная в коллежской «архиве», на стадии редактирования была существенно сокращена.

Если вентиль на трубе, через которую шел информационный поток в Академию, в Берг-коллегии на выходе однажды прикрутили, разве не могли это сделать еще раз?

Но в случае сбора руд и минералов для «Российской минералогии» впечатления о намерении коллегии часть сведений придержать не создается. Слишком открыто все делается. Вот письмо Ломоносову из Берг-коллегии от 7 января 1764 г. В нем изложено определение коллегии и сообщается, в частности, о двух маршрутах доставки руд. О втором сказано: «а с казенных заводов с нарочными в коллегию прислать при репортах, которые от коллегии к вам [...] сообщим, о чем чрез сие к вам [...] от Берг-коллегии и сообщается»¹³⁰. То есть, во-первых, принимается решение извещать о содержании рапортов, поступавших с мест, во-вторых, это обещание доводится лично до Ломоносова. Те же заверения – и в рапорте, poslanном в Кабинет: сообщено, что она потребовала «с казенных заводов с нарочными в коллегию прислать при репортах, которые от коллегии к нему, господину статскому советнику Ломоносову, сообщить». Далее – что об этом ему уже сообщено¹³¹.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1244. Л. 70–74 об.

¹³⁰ Там же. Кн. 1233. Л. 322 об.

¹³¹ Там же. Л. 323 об.

Мы указали на эпизод, в котором можно усмотреть свидетельство ограничения информационного потока. Но нетрудно подобрать и противоположные свидетельства – того, как Берг-коллегия делилась накопившейся у нее информацией. Напомним случай с кончозерскими железными рудами. Канцелярия Петровских заводов в свою посылку с рудами их не включила, потому что, как она объяснила, недавно их в коллегия уже отсылала. Последней, получается, для обеспечения ими Ломоносова нужно было обращаться в канцелярию повторно. Назревала задержка. Вины Берг-коллегии в том, что к исполнению указа Олонецкая канцелярия подошла слишком «творчески», не было. Коллегия в этой ситуации вполне могла умыть руки и ждать. Она, однако, обратившись к собственным резервам, изыскала возможность решить вопрос быстро. Указом обер-берг-пробиреру она приказала поделиться имевшимися у него материалами с рудников Кончозерского завода и послать их Ломоносову вместе с рудами последней присылки¹³².

Вместе с тем, запущенная Берг-коллегией схема исполнения распоряжения императрицы имеет одно слабое место (хочется даже сказать – *подозрительно* слабое): отсутствие в ней процедур контроля. За ходом исполнения распоряжения коллегия могла следить только в отношении казенных заводов, а их доля была невелика. Частным заводчикам предлагалось писать сразу Ломоносову. Это соответствовало желанию самого статского советника? Да, соответствовало. Но ничто не мешало обязать местные структуры собирать такие сведения и информировать коллегия – ведь именно так она, как правило, и поступала, когда речь шла о важных, требовавших неперменного исполнения вещах (и именно так будет она поступать в дальнейшем, столкнувшись с крайне медленным исполнением указа). Но в первых, январских, указах Берг-коллегия не просит присмотреть за исполнением контору и канцелярии, а последние – заводчиков. Аналогично ведут себя Берг-контора и канцелярии. В определении конторы от 22 января 1764 г. читаем требование в указах заводчикам «накрепко подтвердить, чтоб каждой заводчик в силу того “Известия” неперменное исполнение учинили»¹³³, а о том, чтобы, учинив, перед Берг-конторой отчитаться – ни слова. Так что удивлять малое число сохранившихся в делах рапортов об исполнении не должно – присылать их заводчиков не требовали, сохранившиеся – продукт самодеятельности на местах, отражавшей привычную практику.

Что из этого следует? А то, похоже, что коллегия результативность компании в начале не слишком беспокоила, что беспокойство возникло лишь после того, как высочайше порученное дело забуксовало. Складывается впечатление: все, что она делала, было направлено прежде всего на то, чтобы ее не обвинили в отсутствии исполнительской дисциплины. Императрица приказала, чтобы руды с заводов «отпустили к Ломоносову» – такое задание будет заводчикам послано с «крепким подтверждением». В случае, если какие-то из них его не выполнят – обвинить коллегия формальных оснований не найдет.

Но почему сочувствие чиновников проекту Ломоносову не было полным, почему не выходило за границы предписанного высочайшим повелением? Ведь

¹³² Там же. Л. 345 об., 348 об.

¹³³ Там же. Оп. 2. Д. 670. Л. 5 об.

создание «Российская минералогии», как мы уже говорили, содействовало развитию горного дела и металлургии – тому делу, которому служили и они.

Можно указать на несколько причин, в той или иной степени охлаждавших стремление к сотрудничеству. Перечислим некоторые:

Первое. У нас нет сведений о том, что Ломоносов в глазах чинов Берг-коллегии считался авторитетным специалистом в профессиональных вопросах. Вышедшие в свет в 1763 г. «Первые основания металлургии» могли использоваться только в качестве начального ознакомительного курса. Наиболее ценный раздел «Первых оснований» – напечатанный в виде приложений к ним трактат «О слоях земных» – излагал вопросы, важные не столько в прикладном, сколько в научном плане. Посвященная минералогии ранняя работа Ломоносова (в соавторстве). – «Минеральный каталог» (описание собрания Кунсткамеры) – если и была известна горнякам и металлургам, также едва ли использовалась в их практической работе. Неизмеримо более полезными горнякам должны были казаться сочинения Шлаттера – только что вышедшее из печати «Обстоятельное наставление рудному делу» и объявленное многотомное «Обстоятельное описание».

Второе. Начальник ведомства Шлаттер сам в эти годы занимался вопросами, вплотную соприкасавшимися с теми, за решение которых взялся Ломоносов: он перевел на русский язык «Минералогию» шведского ученого Ю. Г. Валлериуса и организовал публикацию этого перевода¹³⁴.

Третье. Сбор материала со всех заводов, которых было около 200, представлял собой, несомненно, трудоемкую акцию. Берг-коллегия была перегружена множеством собственных проблем, внутренних вопросов, требовавших скорейшего решения (достаточно уже того, что в 1764 г. она переходила на новые штаты¹³⁵). Работа на Академию наук была еще одной нагрузкой, спущенной сверху. Не выполнить задание было нельзя, но радоваться ему не было никаких оснований.

Итак, изложенные факты, по нашему мнению, позволяют констатировать, что в России XVIII в. высшая власть была и способна, и готова при необходимости подключать механизм государственного управления к решению неспецифических для него научных задач. Аппарат управления становился при этом в прямом смысле союзником и сотрудником ученого. На ход и результаты взаимодействия влияли личные и корпоративные интересы, но интересы государственные доминировали. Такое сотрудничество являлось важной формой, обеспечивавшей участие институционализированной науки (в лице Петербургской академии наук) в решении практических задач государственного значения.

Насколько эффективной могла оказаться подобная работа – на том же примере участия Берг-коллегии в проекте Ломоносова будет рассмотрено в другой нашей статье.

¹³⁴ Валлериус Ю. Г. Минералогия или Описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей, сочиненное Иоганном Готшалком Валерием, Королевской Шведской академии в Упсале философии и медицины доктором, а с немецкаго на российской язык переведенное действительным статским советником, Берг-коллегии Президентом и Монетной канцелярии главным судьбою Иваном Шлаттером. СПб., 1763.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1233. Л. 140–147 об., 219–232 и др.